

Н.Я. Грот

**Значение чувства в познании
и деятельности человека**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н.Я. Грот**
Значение чувства в познании и деятельности человека / Н.Я. Грот – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 46 с.

ISBN 978-5-458-54818-2

ISBN 978-5-458-54818-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

объективныхъ идеаловъ добра, красоты и правды — плодъ недоразумѣнія? Нѣтъ-ли скорѣе ошибки въ той психологической теоріи, которая признаетъ чувства и чувства совершенно относительными и недостовѣрными критеріями познанія,—въ той теоріи, которая отрицаетъ *всеобщую обязательность сужденій*, въ которыхъ, на основаніи чувствъ, опредѣляется доброкачественность или злокачественность предметовъ и явленій, дѣйствій челоуѣка и произведеній его духа *)?

Я постараюсь, Мм. Гг., убѣдить васъ въ томъ, что эта психологическая теорія невѣрна,—что при извѣстной переработкѣ чувствованій нашимъ сознаніемъ, они приобретаютъ значеніе не только важной, но и вполне необходимой, достовѣрной и всеобщей основы познанія внутренней стороны вещей, ихъ внутренняго существа или субъекта,—степени гармоніи и дисгармоніи въ ихъ природѣ. На почвѣ такой переработки материала своихъ чувствованій и чувствъ челоуѣческій духъ творитъ *искусство*, построитъ общіе *принципы* нравственной дѣятельности и обязательные *идеалы* личной и общественной жизни.

Оправданно этихъ положеній и будетъ посвященъ мой сегодняшний рефератъ.

I.

Чтобы показать вамъ наглядно, Мм. Гг., почему я считаю взглядъ на чувство какъ на относительное и не-

*) Мы должны замѣтить, что и сами раздѣляли прежде эту теорію. См. Психология чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. СП. 1880.

достоверное начало познания и деятельности неправильнымъ, я укажу вамъ пока только на одинъ несомнѣнный психологическій фактъ, который и специалистами-учеными и философами очень часто упускается изъ виду или ложно истолковывается. На вопросъ: откуда мы черпаемъ увѣренность въ достоверности понятій нашего ума о вещахъ міра и о законахъ его, обыкновенно отвѣчаютъ: изъ *опыта*. Но изъ какого опыта? отвѣчаютъ: *внѣшняго* опыта, основаннаго на ощущеніяхъ. Значить, всѣ ощущенія внѣшнія достоверны? Конечно нѣтъ: въ области ощущеній возможны ошибки, иллюзии. „Но, говорятъ намъ, умъ провѣряетъ ощущенія и извлекаетъ изъ нихъ общее, истинное“. По поводу этого утвержденія я задамъ вопросъ: какимъ же образомъ умъ нашъ узнаетъ, что общее въ ощущеніяхъ истинно? Вѣдь воспріятіе вращенія солнца вокругъ земли тоже общее всѣмъ людямъ воспріятіе, а оно не истинно — „Умъ, объясняютъ намъ, сличаетъ частныя воспріятія съ составленными имъ общими представленіями и понятіями о вещахъ и такимъ образомъ судить объ истинности этихъ воспріятій“. Допустимъ это. Но какъ умъ нашъ пріобрѣлъ увѣренность въ истинности своихъ общихъ представленій и понятій?

На этотъ вопросъ намъ отвѣчаютъ: „умъ убѣдился въ ихъ истинности, напримѣръ въ истинности основныхъ аксіомъ знанія изъ того, что эти понятія оказались соотвѣтствующими или согласными съ его собственными законами“. Но какъ мы узнали объ этомъ соотвѣтствіи или согласіи нашихъ представленій или понятій съ законами нашего ума? На этотъ вопросъ или совсѣмъ не

отвѣчаютъ, ибо вовсе не задаютъ себѣ его,—или же отвѣчаютъ весьма туманно. Говорятъ, напримѣръ, что „это соотвѣтствие усматривается непосредственно“. Но въ какой-же формѣ, въ формѣ какого душевнаго состоянія это соотвѣтствие нами непосредственно сознается? На это возможенъ только одинъ отвѣтъ: въ формѣ *чувства* соотвѣтствія или согласія, то-есть *умственной гармоніи*. Что значитъ соотвѣтствие? Всякое соотвѣтствие означаетъ субъективно равновѣсіе или гармонию извѣстнаго рода. Всякая гармонія познается чувствомъ, испытывается нами какъ *чувство* гармоніи, какъ приятное чувство удовлетворенія. Всякое несоотвѣтствие, дисгармонія,—напримѣръ, между нашими представленіями и законами ума,—испытывается въ формѣ чувства дисгармоніи, неприятнаго чувства противорѣчія, доходящаго иногда до степени страданія. Благодаря этимъ интеллектуальнымъ чувствамъ согласія и противорѣчія, законъ согласія или тождества, и законъ противорѣчія становятся основными законами мысли

Отсюда ясно, что послѣдніе критеріи истины и лжи лежатъ въ *чувствахъ* истины и лжи.

Теперь вообразимъ, что эти умственные чувства истины и лжи совершенно относительны, индивидуальны, зависятъ отъ личности и личнаго настроенія. Тогда конечно никакое твердое, достовѣрное знаніе даже для науки не было-бы возможно. Но къ счастью это предположеніе о полной относительности чувствъ истины и лжи не оправдывается фактами. Мы всѣ испытываемъ съ необходимостью и постоянствомъ, недоступными никакимъ колебаніямъ, чувство истины или умственной гармоніи по поводу положеній $2 \times 2 = 4$. цѣлое больше

части, тѣло протяженно, и другихъ подобныхъ, или напр. по поводу умозаключенія, что если $A=B$, а $B=C$, то и $A=C$, а также, что если всѣ тѣла протяженны, а эфиръ есть тѣло, то и эфиръ имѣетъ протяжение, и т. д.

Если-же на судьбу достовѣрности въ наукѣ имѣютъ влияние достовѣрныя интеллектуальныя чувства удовольствія и неудовольствія, то что же рѣшаетъ судьбу искусства, какъ всѣмъ одинаково понятнаго и въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ всѣмъ людямъ извѣстнаго развитія равно сочувственнаго или несочувственнаго художественнаго творчества? Откуда мы знаемъ, что Пушкинъ и Лермонтовъ великіе поэты, что Моцартъ и Бетховенъ первоклассные музыканты, что Рафаэль одинъ изъ лучшихъ живописцевъ? Не индивидуальны-же и относительны такія сужденія,—а между тѣмъ они основаны на различныхъ чувствахъ гармоніи или красоты, которыя мы испытываемъ при дѣйствіи на насъ произведеній этихъ гениевъ.

Итакъ для насъ, людей, вообще возможны *чувства общія, достовѣрныя*, имѣющія такую-же степень *необходимости и обязательности*, какими обладаютъ понятія нашего ума *).

Разсмотримъ теперь, откуда и какъ образуются эти обязательныя чувства и какая сторона вещей необходима и достовѣрна въ нихъ открывается.

*) Замѣтичь здѣсь, что вѣдь и понятія ума не абсолютно всеобщы и необходимы, такъ какъ для убѣжденія въ ихъ необходимости и достовѣрности нужно также извѣстное развитіе ума (логическое, въ параллель эстетическому, на почвѣ котораго возникаетъ обще-обязательность извѣстныхъ эстетическихъ оцѣнокъ).

II.

Прежде всего мы должны однако точнѣе опредѣлить, что такое само *чувство*, какъ объективный психологическій фактъ.

Сидя въ этой залѣ, вы всѣ, милостивые государи, испытываете непрерывно рядъ зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ ощущений, которыя знакомятъ васъ со свойствами окружающихъ предметовъ,—ихъ формами, цвѣтами и т. д. Эти ощущенія частію пріятны, частію непріятны, частію, наконецъ, безразличны. Это значитъ, что по поводу нихъ въ вашемъ сознаніи возникаютъ новыя состоянія, а именно чувствованія удовольствія и неудовольствія, или же прямо страданія; иногда-же эти чувствованія такъ слабы и мимолетны, что вы ихъ не сознаете и вамъ кажется, что свойства предметовъ безразличны.

Такимъ образомъ воспріятіе міра сознаніемъ человѣка происходитъ въ двоякой формѣ,—въ формѣ ощущеній, которыя выражаютъ свойства, качества вещей, и въ формѣ возникающихъ въ связи съ ними чувствованій удовольствія и страданія, которыя на первый взглядъ тоже выражаютъ качества предметовъ, но не внѣшнія, а внутреннія,—а именно ихъ достоинства и недостатки, степени ихъ совершенства и несовершенства.

Теперь представьте себѣ другое положеніе: ученый математикъ читаетъ ученое сочиненіе по своей специальности, переполненное отвлеченными терминами и сложными формулами. Онъ тоже воспринимаетъ нѣко-

торый объектъ міра при помощи ряда зрительныхъ ощущеній, но эти ощущенія только условные знаки сложныхъ представленій и отвлеченныхъ понятій, и однакоже воспріятіе этихъ представленій и понятій, составляющихъ переработку ощущеній, также сопровождается чувствами удовольствія и страданія и другими болѣе сложными, на примѣръ радости, если онъ узналъ новый любопытный методъ вычисления, — унынія, или негодования, если что-нибудь у автора книги изложено неясно или ошибочно, и т. д. Слѣдовательно, и на высшихъ ступеняхъ развитія, представленія и понятія о вещахъ вызываютъ сложные чувства удовлетворенія и неудовлетворенія различныхъ формъ, которыя знакомятъ насъ со внутренними, типическими недостатками и достоинствами предметовъ.

Ощущенія и идеи съ одной стороны, чувствованія и чувства, съ другой, представляютъ два первые момента нашего взаимодействія съ міромъ, а именно. способъ воспріятія его. По поводу этихъ воспріятій начинается затѣмъ наше активное отношеніе къ міру, наше обратное воздѣйствіе на него, психическій моментъ котораго называется *волевою дѣятельностью*. Но эта волевая дѣятельность имѣетъ также два момента, параллельные ощущеніямъ и идеямъ. чувствованіямъ и чувствамъ.

По поводу чувствованій и чувствъ пріятныхъ и непріятныхъ возникаютъ прежде всего желанія, стремленія — приблизить предметы, или самимъ къ нимъ приблизиться, если они возбуждаютъ удовольствіе, — устранить ихъ, или же самимъ отъ нихъ удалиться, если они причиняютъ страданіе. Стремленія и желанія долго могутъ оста-

ваться стремлениями и желаниями, не переходя въ дѣйствія. Но достигнувъ извѣстной силы и иногда только послѣ борьбы другъ съ другомъ, они переходятъ въ дѣйствія или движенія соотвѣтствующаго имъ типа, осуществляющія данныя желанія. Особый психическій моментъ дѣйствія — это, когда сознаніе осуществляетъ желаніе, давая толчокъ (импульсъ) къ извѣстнымъ движеніямъ. Что это особый психическій моментъ, видно изъ того, что мы отличаемъ въ дѣятельности человѣка даже съ нравственной и юридической точекъ зрѣнія поступокъ отъ его побужденія, и признаемъ, на примѣръ, иногда, что хорошему поступку предшествовало дурное желаніе, или наоборотъ, дурному поступку доброе желаніе, такъ что подвергаемъ желанія и самые поступки отдѣльной нравственной оцѣнкѣ. Еслибы дѣйствія наши были только физиологическими процессами въ мышцахъ, то самый терминъ поступка, выражающій идею сознательнаго и намѣреннаго дѣйствія, былъ-бы безсмысленъ. Кромѣ того, есть дѣйствія или движенія чисто психическія (безмышечныя), на примѣръ дѣйствие мысли, изобрѣгающей слово для новаго понятія, — а между тѣмъ такое дѣйствие весьма отлично отъ простаго желанія изобрѣсти слово.

Дѣйствія наши обыкновенно направлены на тѣ самые предметы опыта, которые, дѣйствуя сами на насъ, вызвали наши воспріятія. Поэтому можно сказать, что въ дѣйствіяхъ нашихъ на предметы мы возвращаемся назадъ къ исходному пункту взаимодействія съ міромъ, т. е. къ объектамъ, которые его вызвали. Поэтому все психическое взаимодействие можно назвать психиче-

скимъ кругомъ или *оборотомъ* сознанія и можно сказать, что вся наша душевная дѣятельность состоитъ изъ безконечнаго числа разнообразныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ и различно переплетающихся другъ съ другомъ психическихъ оборотовъ.

Выяснивъ идею психическаго оборота, возвратимся къ вопросу: что же такое *чувство*, какъ психологическій фактъ?

Чувство есть, какъ мы видѣли, *второй* моментъ психическаго оборота, какъ единицы взаимодействій сознанія съ миромъ, и притомъ чувство есть особый видъ воспріятія вещей, играющій важную роль въ нашемъ дѣйствіи на вещи, а именно опредѣляющій его направленіе. Чувства опредѣляютъ направленіе желаній, какъ мотивовъ дѣйствія, а такъ какъ всѣ дѣйствія опредѣляются мотивами, то признаніе полной относительности и индивидуальной природы чувствованій и чувствъ было бы признаніемъ полной относительности и неустойчивости желаній и самихъ дѣйствій. На высшихъ ступеняхъ дѣятельности частные мотивы дѣйствій обобщаются въ общіе мотивы или *принципы* дѣйствія, которыя суть сложныя, постоянныя желанія. Если всѣ чувствованія и чувства относительны, субъективны, то и всѣ принципы и цѣли или идеалы дѣятельности относительны и субъективны. Между тѣмъ мы строго отличаемъ личныя и относительныя правила и задачи дѣятельности отъ всеобщихъ и безусловныхъ принциповъ и идеаловъ ея, которые обязательны для всѣхъ людей.

Изъ этихъ соображеній ясно, что вопросъ о томъ, что именно и какъ мы познаемъ посредствомъ чувства,

какъ второго момента воспріятія дѣйствительности,— познаемъ ли мы нѣчто совершенно относительное, характеризующее только нашу личность, или также нѣчто независимое отъ личности—внутреннія совершенства и несовершенства вещей,—ясно, говорю я, что вопросъ этотъ весьма важенъ, и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніяхъ. Въ теоретическомъ онъ важенъ потому, что отъ рѣшенія его зависитъ признаніе или непризнаніе новой обширной области объективныхъ знаній,—знаній истинной внутренней цѣны и значенія вещей и всего міра. Въ практическомъ отношеніи онъ еще важнѣе, ибо въ связи съ нимъ находится вопросъ о возможности установленія твердыхъ объективныхъ началъ дѣятельности человѣка, которыхъ мы всѣ ищемъ, хотя иногда и не знаемъ, какъ и гдѣ ихъ найти.

Прежде, однако, чѣмъ мы перейдемъ къ анализу степени достовѣрности и обязательности чувствованій и чувствъ, какъ орудій познанія міра и критеріевъ дѣятельности человѣка, мы должны коснуться характера достовѣрности и объективности ощущеній и идей.

III.

Не всѣ ощущенія и идеи даютъ намъ истинное знаніе свойствъ и качествъ вещей. Несомнѣнно, что наша индивидуальная организація, наше минутное настроеніе и другія случайныя, а иногда и постоянныя условія существованія личности влияют на неправильность познанія предметовъ и явленій міра посредствомъ ощущеній. Но любопытно, что степень объективности и достовѣрности ощущеній весьма различна.

Ощущения обыкновенно дѣлятся на *внѣшнія* и *внутреннія*. Внѣшнія ощущения это тѣ, которыя доставляются органами зрѣнія, слуха, осязанія, вкуса, обонянія и нѣкоторыми другими, общими путями, напр. мускульною восприимчивостью. Внутреннія ощущения—это, во-первыхъ, ощущения органовъ нашего тѣла или органическія ощущения,—во-вторыхъ, ощущения нашихъ психическихъ, душевныхъ процессовъ. Этотъ большой разрядъ ощущений почти совсѣмъ еще не изслѣдованъ психологией и часто эти особые ощущения психическихъ состояній и дѣйствій отрицаются психологами. Говорятъ, что мы сознаемъ дѣйствія нашего ума, наши волненія, стремленія и такъ далѣе, *непосредственно*. Но это опять все то-же неясное и неточное выраженіе. Всякій знаетъ по опыту, что можно мыслить безсознательно, переживать желанія, страсти и т. д., не отдавая себѣ отчета въ нихъ; но можно также сознавать всѣ эти состоянія и процессы какъ объекты внутреннего опыта. Сознавая что-нибудь какъ объектъ опыта—значитъ ощущать, представлять, понимать. Представленія и понятія о нашихъ душевныхъ состояніяхъ никѣмъ не отрицаются, а всѣ представленія слагаются изъ ощущений. Если-бы не было ощущений психическихъ состояній, то невозможно было-бы наблюдение и изученіе психической жизни путемъ внутреннего опыта *).

Таковы разряды нашихъ ощущений. Самыя смутныя, субъективныя и индивидуальныя—это ощущения орга-

*) Объ умственныхъ или интеллектуальныхъ ощущенияхъ и ихъ роли въ процессѣ мышленія мы говорили подробнѣе въ соч. „Къ вопросу о реформѣ логики“ (1882), Глава III, особ. стр. 145—150